

ВЕНОК ИЗ КОЛОСЬЕВ РЖИ

НА ПОЭТИЧЕСКИХ ВЕЧЕРАХ МЕДЕИ ДЖАПАРИДЗЕ



Народная артистка Грузинской ССР Медея Джапаридзе читала стихи...

ной программе, он звучал как комментарий, как музыкальное сопровождение. В этой же манере актриса исполняла свои рассказы о знаменитых поэтах. И каждый из грузинских поэтов возникал в своей неповторимости, вместе они выражали духовную мощь грузинского народа, который в этот вечер говорил с нами устами своих поэтов.

Значительное место в программе заняло чтение стихов русских поэтов Анны Ахматовой, Валерия Брюсова, Александра Блока, Бориса Пастернака, Марины Цветаевой.

В этот вечер я невольно вспомнил Владимира Яхонтова и особенно одно его выступление, тоже в камерном зале — в малом бетховенском зале Большого театра. Это было перед войной, в 1939 году. Яхонтов читал Есенина. После большого перерыва Есенин снова исполнялся публично, в этот же год вышла и книга его стихов в малой серии «Библиотеки поэта». Попасть на тот вечер было трудно, но мы, студенты, пробилась и, усевшись перед сценой прямо на полу, слушали великого артиста. В группе молодых людей, студентов ИФАИ и Литературного института им. Горького, были: Павел Коган, Сергей Наровча-

тов, Михаил Молочко, Семен Гудзенко, Михаил Луконин, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Алексей Леонтьев, Константин Лащенко.

Никто из них к тому времени еще не опубликовал ни строчки, теперь почти все они известны, уверен, что станут известными и стихи Леонтьева и Лащенко, впоследствии они себя проявили в области журналистики, но в те годы писали стихи в силу своих ставших знаменитыми товарищей. Я вспоминаю этот вечер, потому что он был не только поэтическим, но и гражданским, артист возвращал новому поколению правильное понимание русского поэта, как до этого он открыл нам Маяковского.

Поэтический вечер Медеи Джапаридзе также имел гражданское звучание. Он выражал возвышенную идею о связи двух культур — русской и грузинской. Эти связи образовывались не сами по себе. Они — результат борьбы с насаждавшейся веками рознью, огромный вклад сюда внесли деятели театра и кино, и творческое формирование самой Медеи Джапаридзе — яркое тому свидетельство.

Детские годы Медея провела в Москве, ее любимым

театром был МХАТ. Детей пускали только на дневные спектакли, так девочка увидела «Синюю птицу», «Вишневый сад», «Чайку». Откровением стала для будущей актрисы книга Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Возникло горячее желание поступить в студию МХАТа.

Оно не утасло и после того, как Джапаридзе вернулась в Тбилиси. Уже будучи актрисой Театра имени Марджанишвили, она едет в Москву и на полгода поступает вольнослушательницей студии МХАТа. С тех пор с Московской ее связывают прочные нити. Вспоминаются ее гастрольные выступления на сцене Театра им. Моссювета: в Дуэте с Ростиславом Плитком она играла в «Цезаре и Клеопатре», глубоко раскрыв образ Клеопатры и так, как понимал его Шоу. Приезды в Москву Джапаридзе были связаны и с ее обязанностями депутата Верховного Совета СССР. Помню ее рассказы о поездке в Японию в составе парламентской делегации. В ее рассказах о людях и стране проявилась социальная наблюдательность советского художника.

Сначала мы узнали ее как актрису трагическую. Среди ролей этого плана на первом месте, пожалуй, все-таки остается

Джюльетта. Медея играла и в других спектаклях Шекспира — исполняла роль Анны в «Ричарде III», Беатриче в «Много шума из ничего», но именно Джюльетта больше всего обнаруживала ее актерскую и человеческую сущность. В этой роли проявилась ее требовательность к себе. Как справедливо писали театральные критики, если вначале Джюльетта в исполнении Джапаридзе привлекала своей лиричностью, то постепенно лирическая окраска образа воспринималась как дополнительная, а на первый план выступали внутренние силы Джюльетты, сознание правоты своего чувства, готовность отстоять его любой ценой.

И все-таки, когда через двенадцать лет М. Джапаридзе пришлось вернуться к роли, она отнеслась к ней как к совсем новой работе, придав драматизму образа неповторимое пластическое выражение, о чем писала прославленная Верико Анджапаридзе: «Джюльетта Медеи Джапаридзе сошла не только со страниц Шекспира, но и с итальянских полотен... Она играет поэтическую драму, в ее Джюльетте начинается пробуждаться женщина, и я жду появления этой женщины, но Джюльетта — Джапаридзе все время удерживается на грани...».

Ее героини жили в разных эпохах, в разной социальной среде формировались они, но в любом случае — будь то Нина в лермонтовском «Маскараде» или Любовь Яровая в одноименной пьесе Тренева — мы ощущали масштаб дарования актрисы.

Очень рано Медея Джапаридзе проявила себя и в комедии. Она первая в советском театре сыграла Маринэ в «Стрекозе» М. Бараташвили. Комедийность Стрекозы Джапаридзе лирична, ее легкомыслие очаровательно, и вместе с тем она была психологически убедительна в переломе, который произошел в ее судьбе. В Элизе Дулиттл («Пигмалион») актриса проявила тонкое понимание своеобразного юмора и парадоксального мышления Б. Шоу, она снова сыграла превращение в человеке, на сей раз — превращение маленькой, бесшабашной, говорящей на жаргоне уличной продавщицы в блестящую леди, украшенные светского общества. И в той, и в другой роли ее героини органичны до самого финала, становясь respectableными, они не утрачивают комизма.

Эти роли теперь уже достояние истории, в театре образ живет лишь в момент исполнения, и новое поколение зрителей о том, как играл актер, мо-

жет узнать лишь из описаний театральных критиков. Зато лирико-комедийная роль Джапаридзе в фильме «Кето и Котэ» является достойным и сегодняшнего зрителя. В кинооперетте 1948 года заметны элементы украшения и помпезности, характерные для стиля тех лет, но это лишь оттеняет искренность, с какой актриса ведет свою партию.

Играла в кино Медея и драматические роли в таких, например, фильмах, как «Щит Джургая», «Песнь Этери», «Теплое осеннее солнце». Увы, в кино актриса не знает вершин, равных ее театральным свершениям. В кино судьба еще не свела ее с ролью, в которой одновременно мог бы проявиться ее талант — и драматический, и комедийный. А ведь именно в трагикомедии современное грузинское кино достигло своих наиболее значительных побед.

Конечно, для таких актрис, как Джапаридзе, надо писать специально. Ее артистические данные универсальны. Она играла грузинку, французенок, русских женщин. Но, воплощая образы представительниц других народов, она остается национальной актрисой, и мы почувствовали это на вечере, когда она читала грузинских и русских поэтов.

Нет, не случайным эпизодом в жизни Джапаридзе оказался этот поэтический вечер. Раскрылась еще одна грань ее таланта.

Сначала трагедия, потом комедия, теперь лирика.

Драматические актеры не всегда умеют читать стихи. Они часто инсценируют, но «игрой» они разрушают нежный, хрупкий строй поэзии.

Читая стихи, Медея забывает себя, не помнит, что так красива. Ей чуждо жеманство. Так и должно быть: слава и красота целомудренны. Она усвоила заветы Станиславского, который так презирал позу.

Мы слушали не заученную программу, казалось, что актриса импровизирует, произносила строки поэтов, она жила тем, о чем говорила в данный момент.

На сцену поднялся Иван Семенович Козловский, он преподнес актрисе венок, сплетенный из колосьев ржи.

Здесь проявилась, как сказал бы Брехт, высокая ирония любви.

Потом они пели вместе — Джапаридзе и Козловский, пели по-грузински, и мы ощущали в этом согласии значение времени.

С. ФРЕЙЛИХ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.